

Самозащита как первый шаг к солидарности

Становление современного общества в России невозможно без низовой самоорганизации и движений социального протеста | **ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА**

Появление новых форм общественной самоорганизации в России, начиная с 2005 года, оказалось достаточно неожиданным в условиях нефтегазового изобилия и полной стабилизации политической жизни. Речь идет о таких разных явлениях, как массовые протесты против монетизации льгот, движения в защиту жилищных прав, против уплотнительной застройки и принудительных выселений, экологические инициативы в защиту среды обитания, новые профсоюзы и нарастающее в последние два-три года количество забастовок, а также недавно поднявшиеся протесты против милицейского произвола. Относительное экономическое благополучие, рост доходов основной части населения, хотя и распределенный крайне неравномерно, в сочетании с авторитарно-полицейским режимом, который полностью стерилизовал политическую сферу, превратил основные институты политического участия (выборы и представительные органы) в пустую форму и установил контроль за СМИ, — все это представляет собой не самый благоприятный фон для протестных движений и общественной самоорганизации. Тем не менее эти движения появились — и число их растет — именно в эпоху «стабилизации», а не в условиях экономического кризиса 1990-х годов, когда ожидавшиеся массовые протесты и даже бунты так и не состоялись.

Почему именно сейчас началось пробуждение общественной самоорганизации? Каковы те факторы, которые вызвали ее к жизни, и как они отражаются на характере и перспективах ее развития?

Как расценивать эти новые явления? Означают ли они становление автономного публичного пространства (или многих пространств), неподконтрольного авторитарной власти, где начинается процесс артикуляции специфических социальных интересов и, соответственно, процесс структурно-функциональной дифференциации общества?¹ Во многих развивающихся странах именно появление низовых социальных движений в 1980-е годы способствовало расширению публичной сферы, возникновению нового публичного пространства, где формулировались новые социальные требования и права и где возникали новые субъекты коллективного действия. В 1990 — 2000-е годы это привело к углублению политической демократии, ее распространению на политически и социально исключенные прежде слои и в конечном счете к появлению устойчивых демократических институтов, которые до этого рассматривались большинством населения как чисто элитарные². Свидетельствует ли возникновение новых форм общественной самоорганизации в России о том, что она тоже может пойти ана-

логичным путем преодоления (или хотя бы ослабления) традиционной модели власти, основанной на господстве-подчинении, и достичь на этой основе укорененной политической демократии? Или же это — лишь благие пожелания и думать о появлении нового публичного пространства в России не только преждевременно, но и безосновательно, не говоря уже об изменении модели власти и становлении демократических институтов? В какой мере вообще можно применять термин «социальные движения» к тем зачаточным, мало артикулированным и раздробленным формам общественной самоорганизации, которые возникают сегодня? ³

Надо сказать, что скептический взгляд на перспективы и демократический потенциал новых форм общественной самоорганизации является преобладающим среди российских либералов ⁴. Протестные движения и гражданские инициативы если и замечаются исследователями и академическим сообществом, то расцениваются, как правило, как малозначимые из-за их ограниченной численности, организационной слабости, неустойчивости и — по большей части — неуспешности. То обстоятельство, что эти формы общественной самоорганизации возникают по преимуществу в среде социально ущемленных («стигматизированных») слоев населения, также рассматривается как существенный изъян с точки зрения их демократического потенциала. Кроме того, низовые инициативы, согласно опросам общественного мнения, неизвестны подавляющему большинству российского населения и поэтому не оказывают на него сколько-нибудь заметного влияния. По мнению Бориса Дубина (см. его статью в этом номере *Pro et Contra* на с. 24–35), «формы общественных инициатив, явления самоорганизации либо носят самозащитный и реактивный, локальный и разовый характер, либо (в форме организаций — ассоциаций, союзов и т. п.) мало известны

российскому населению и недостаточно авторитетны для него, не пользуются у него доверием и не сопровождаются поддержкой или хотя бы декларативным желанием поддержать. (...) Общество в сегодняшней России — это общество не участия, а стигмы и самозащиты, с одной стороны, ритуалов символического единения с фигурами сверхвласти — с другой» ⁵.

Поскольку мы имеем дело с только нарождающимся, вновь возникающим феноменом, то сам по себе аргумент о малой влиятельности и малочисленности новых общественных движений и инициатив не представляется корректным. В принципе, большинству населения и неоткуда узнавать об этих движениях и инициативах: из-за жесткого государственного контроля над телевидением и частью печатной прессы информация о них доступна главным образом в Интернете. Вместе с тем статистически значимая, даже статистически видимая доля населения принимает участие в социальных движениях и протестах только в очень редкие моменты общественного подъема и перелома. В относительно спокойных ситуациях социальные инновации и, в частности, формирование социальных движений, как правило, начинаются на периферии, а не в центрах социальной системы и не затрагивают при своем возникновении несущие опоры — в первую очередь символические — социального порядка. Более того, вновь возникающие формы общественной самоорганизации и социальные движения не видны на макро-социальном уровне и не могут быть отслежены и описаны с помощью количественных методов исследования, опросов прежде всего. Исследовательский подход, в основе которого анализ данных опросов общественного мнения, в принципе не позволяет увидеть социальные инновации до того, как они охватят сколько-нибудь существенную часть общества ⁶. Поэтому для того, чтобы понять

природу новых социальных инициатив и их перспективы с точки зрения накопления потенциала гражданского действия, необходимы качественные исследования⁷.

Вопрос о том, как относиться к новым формам общественной самоорганизации, является, на мой взгляд, очень важным для оценки перспектив модернизации страны. Есть ли в обществе силы, заинтересованные в институциональном закреплении процессов социальной дифференциации и институциональной трансформации власти? Или же такие силы не появляются и не могут появиться в ситуации, когда власть, система властных отношений в принципе блокирует процессы структурно-функциональной дифференциации социальной системы?⁸ В таком случае мы обречены на бесконечное воспроизведение господства, основанного на практически не ограниченном произволе и насилии со стороны власти, ее институтов и персонифицирующих ее групп, и на бесконечное приспособление, адаптацию к ней населения, которое ее пассивно поддерживает и идентифицирует себя с ней. Необходима, на мой взгляд, реалистическая оценка способности общества к самоорганизации и к формированию собственных, внутренних (отличных от государственных и несводимых к ним) механизмов социальной интеграции. Это относится не только к сегодняшним процессам самоорганизации в российском обществе, но и к ретроспективному взгляду на их прошлое и перспективе на будущее.

Скептический взгляд на недавнее прошлое общественных движений в России также является весьма распространенным, если не доминирующим. Многие исследователи полагают, что общественные движения в позднесоветскую (перестроечную) и постсоветскую эпоху если и существовали вообще, то всегда были крайне слабыми, малозначимыми и не представляли собой сколько-нибудь важный

фактор, определявший общую социально-политическую равнодействующую. Лев Гудков, в частности, считает, что «для понижения природы последующих процессов важно указать на отсутствие сколько-нибудь значимой демократической мобилизации, массовых социально-политических движений в стране, которые могли бы вылиться в создание новых политических форм и институтов»⁹. С моей точки зрения, процессы самоорганизации, которые происходили двадцать лет назад, в 1987–1989 годах, в ситуации общественного подъема и перелома, могут быть расценены как значимая демократическая мобилизация. То обстоятельство, что ее институциональное и политическое влияние оказалось ничтожным, не умаляет значимости данного явления, а, напротив, заставляет искать причины этого, чтобы извлечь уроки для нынешней ситуации.

Надежды и иллюзии перестройки

Подъем перестроечного «неформального» движения начинается с 1987 года, когда были сняты цензурные запреты и государственная власть фактически отказалась от применения статей Уголовного кодекса РСФСР, каравших за инакомыслие¹⁰. «Страна в считанные месяцы покрылась сетью общественных клубов, молодежных ассоциаций, самодеятельных организаций и культурно-просветительских обществ самых разных толков и направлений»¹¹. Гласность, разрушившая идеологическую монополию КПСС, растущая неэффективность, растерянность, а затем и кризис властных структур способствовали тому, что общество начало стремительно освобождаться от обветшавшей государственной оболочки; существовавшие в нем интересы, взгляды, мифы и фобии начали выходить на поверхность, принимая те или иные организационные формы. Возникшие таким образом организации и движения стали именоваться «неформаль-

ными» — по двум основаниям. Во-первых, подобный статус был вынужденным, поскольку новые самодеятельные ассоциации никто не регистрировал до принятия в 1990 году Закона об общественных организациях. Во-вторых, назвавшись «неформальными», эти организации тем самым противопоставляли себя официальным советским общественным организациям, которые на деле были продолжением государства. Сам термин «неформальные» указывал, таким образом, не только на неофициальный статус этих групп, но и на подлинность, содержательность их действий в противоположность пустой и формальной «общественной дея-

*пфостранство общественного диалога»*¹³. Очень быстро эта публичная арена превращается в пространство зарождающегося гражданского общества, где формируются разнообразные гражданские инициативы — от экологических ассоциаций и организаций общественного самоуправления до объединений в поддержку гласности, защиты прав и достоинства человека. Появился, как писал один из активистов неформального движения Андрей Фадин, «новый социальный субъект, который осознал себя независимым от властных структур государства, осмелившийся не только думать, но и говорить, действовать, не спрашивая на то чьего-либо разрешения.

“Процессы самоорганизации, которые происходили в 1987—1989 годах, могут быть расценены как **значимая демократическая мобилизация**”.

тельности». Будучи весьма пестрым по составу, неформальное движение второй половины 1980-х годов шло снизу, из общества, переплетаясь и взаимодействуя, иногда довольно причудливо, с идеологическим и политическим размежеванием в верхах. Корни этого движения уходили в молодежную неофициальную субкультуру, которая возникла в СССР в 1960-е годы и затем, видоизменяясь и подвергаясь преследованиям властей, породила в 1970-е годы разнородные по направлениям и способам деятельности течения — от природоохранных дружин и клубов самодеятельной песни до диссидентского, правозащитного движения, включая его демократические, националистические и религиозные направления¹². С конца 1986 года в этом, по преимуществу интеллигентском кругу крупных городов возникают многочисленные дискуссионные клубы, «которые, увеличиваясь в числе и политизируясь по характеру своей деятельности, постепенно сформировали хотя и ограниченное, но чрезвычайно интенсивное

Причем не в традиционной российской системе координат “власть — антивласть (оппозиция)”, в которой жили диссиденты 1970-х и те, кто их преследовал, а совершенно в новом измерении — как свободная самоорганизация свободных людей, которые выстраивали свою позицию не в логике протеста против чего-то, а в логике позитивного самовыражения, независимого движения к независимо выбранным целям»¹⁴.

Экологические инициативы стали наиболее заметным проявлением общественной самоорганизации в первый период перестройки. К проблемам, которые были в центре общественного внимания уже с середины 1970-х годов (загрязнение Байкала в связи со строительством целлюлозно-бумажного комбината, катастрофическое высыхание Аральского моря и в особенности циклопический проект Министерства мелиорации СССР по повороту стока северных рек на юг), в условиях гласности второй половины 1980-х прибавилось огромное

количество новых. Чернобыльская авария породила мощное движение за прекращение строительства атомных станций в густонаселенных районах (Балаковская, Ленинградская, Нововоронежская АЭС в РСФСР, Игналинская АЭС в Литовской ССР) и в сейсмоопасных зонах (Ереванская АЭС в Армянской ССР). В 1987-м и особенно 1988 году массовые экологические акции развернулись по всей стране. Жители городов выступали против неуклонно ухудшающейся среды обитания. В московских районах Тушино и Битца возникли экологические группы, защищавшие от вырубки лесные массивы, а в микрорайоне Братеево, распо-

коллективная защита среды своего непосредственного обитания стала в этот период образом жизни»¹⁶. В 1988 году около 150 экологических групп из 90 городов страны объединились вокруг лидеров возникшего еще в конце 1960-х годов студенческого движения дружин охраны природы (ДОП) и создали Социально-экологический союз¹⁷.

Экологическая проблематика, как, пожалуй, никакое другое из направлений перестроечного «пробуждения» общества, стала основой для появления социального движения, достаточно массового и независимого от возникавших в этот же период политических организаций, но в то же время

“Экологические митинги, собиравшие многие сотни и тысячи человек, становились катализатором массовых действий политического характера”.

ложенном в непосредственной близости от нефтеперерабатывающего завода в Капотне, в 1988 году был создан один из первых комитетов общественного самоуправления, который выдвинул требование радикального улучшения экологической обстановки, а также выборов новых депутатов районного совета из числа жителей микрорайона¹⁵. В городе Кириши Ленинградской области возникло движение за прекращение производства кормовых белков из парафинов нефти на местном нефтеперерабатывающем заводе, выбросы которого причиняли вред здоровью людей. Экологические группы и движения появились в районах массового промышленного загрязнения: Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Кемерове, Новокузнецке, Иркутске, Горьком, Волгограде, Томске и многих других крупных и средних городах. «Малые экологические группы, центры, “общины”, комитеты стали возникать в организациях и институтах, занятых интеллектуальным трудом. Для значительной части городского населения

весьма влиятельного для того, чтобы его требования воздействовали на формирование политической повестки дня. Местные инициативные группы, выступавшие против строительства атомных станций, загрязнения окружающей среды, комитеты общественного самоуправления в микрорайонах городов, столкнувшись с нежеланием органов власти вступать в диалог по экологическим проблемам, самой логикой своих действий вовлекались в политическое противостояние, начинали бороться против монополизма ведомств, за демократизацию общественных отношений, за свои гражданские права и свободы¹⁸. Экологические митинги, собиравшие многие сотни и тысячи человек в разных городах страны, становились катализатором массовых действий политического характера¹⁹.

Если экологические организации, профсоюзы, комитеты общественного самоуправления, которые не ставили при своем возникновении политических целей,

вовлекались в политику логикой борьбы, то другие неформальные организации изначально создавались как политические. Клубы «Перестройка» и «Демократическая перестройка», «Община», «Гласность», группа «Гражданское достоинство», семинар «Демократия и гуманизм», самиздатовская газета «Экспресс-хроника» и многие другие, действовавшие сначала в Москве и Ленинграде, а затем распространившиеся по всей стране, представляли и формировали демократическое направление общественно-политического движения — от анархо-синдикалистского и социал-демократического до радикально-либерального и конституционалистского. Из этой среды в условиях бурной политической борьбы 1988—1989 годов вышли первые оппозиционные протопартии СССР: Конфедерация анархо-синдикалистов, Демократический союз, Демократическая партия Советского Союза, Союз конституционных демократов. Ни одной из них не удалось стать в дальнейшем сколько-нибудь влиятельной политической силой. После 1991 года все они окажутся на обочине российской политической системы, которая в основном будет сформирована выходцами из партийной, государственной и хозяйственной номенклатуры. Однако значение подобных организаций, в особенности клубов и ассоциаций, из которых они вышли, этим отнюдь не исчерпывается: это были первые за время Советской власти попытки структурировать публичное пространство снизу, сформировать политические партии из общества, которое пыталось осознать и формулировать свои политические потребности и пристрастия.

Осенью 1987 года в условиях гласности и начавшегося процесса десталинизации в Москве и Ленинграде возникают инициативные группы за сооружение мемориала жертвам сталинских репрессий и создание всесоюзного общества «Мемориал»²⁰.

Среди его основателей были академик Сахаров (в декабре 1986-го возвратившийся из семилетней ссылки в Горький), ректор Московского историко-архивного института Юрий Афанасьев, писатели и публицисты Алесь Адамович, Григорий Бакланов, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Михаил Шатров, Юрий Карякин, диссиденты и бывшие политзаключенные Арсений Рогинский, Лев Разгон, Лев Тимофеев, Вячеслав Игрунов, активисты неформального движения Олег Орлов, Лев Пономарев, Юрий Самодуров и др.²¹ В результате длительного процесса, объединившего инициативные группы во многих городах, сбора подписей в поддержку строительства мемориала, проведенного в Москве митинга и нескольких конференций, на которых сталкивались разные взгляды на цели и задачи движения, в январе 1989 года было создано Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», первая официально зарегистрированная массовая неполитическая организация в новейшей истории СССР²². Создание «Мемориала» стало одним из важнейших достижений демократического движения: «...восстановление памяти о сталинской эпохе осмысливается как акт катартический и освобождающий, который должен позволить России обрести идентичность, утраченную из-за амнезии, навязанной властью... Дань жертвам сталинизма, долг памяти понимается как необходимое условие восстановления национальной идентичности, без которого страна не может шагнуть в будущее, начать движение в сторону демократии, как бы смутно ни виделась в ту пору подобная цель»²³.

Одним из наиболее авторитетных общественно-политических центров того времени стал также созданный в конце 1988 года клуб «Московская трибуна». Его основали влиятельные интеллектуалы, не входившие во властные структуры, но ставшие

известными благодаря своим выступлениям в прессе и на телевидении — академики Андрей Сахаров и Роальд Сагдеев, писатели и публицисты Алесь Адамович, Юрий Буртин, Юрий Карякин, историки и социологи Юрий Афанасьев, Леонид Баткин, Михаил Гефтер, Юрий Левада, Галина Старовойтова, журналисты Анатолий Беляев и Лен Карпинский²⁴. В ходе обсуждений, ежемесячно проводившихся «Московской трибуной» и привлекавших большое количество участников и слушателей, выдвигались новые идеи и политические инициативы, все более опережавшие по своей радикальности и интеллектуальному уровню программы и документы, вырабатываемые реформаторами во власти. Из «Московской трибуны», задуманной, как пишет Виктор Шейнис, как аналог «Клуба Петефи», действовавшего в предреволюционном Будапеште в 1956 году, впоследствии вышли многие активисты демократических движений, союзные и российские депутаты. «Московская трибуна» стала прообразом Межрегиональной депутатской группы, сформированной в 1989 году на I Съезде народных депутатов СССР, и коалиции «Демократическая Россия», возникшей в 1990 году во время выборов Съезда народных депутатов РСФСР и местных советов²⁵.

На противоположном полюсе неформального политического спектра наиболее громко заявила о себе группа «Память», зародившаяся еще в конце 1970-х годов в связи с движением за восстановление памятников русской старины и культурно-просветительской деятельностью по сохранению русского национального наследия, природы и культуры. «После 1985 года и особенно в 1986 году «Память» стала одним из первых массовых движений в России, включающим десятки тысяч людей и организации в десятках городов»²⁶. В этот период «Память», возглавляемая Дмитрием Васильевым и Кимом Андреевым, выступает

как радикально националистическая сила, пропагандировавшая идею «сионистско-масонского заговора» как главного источника всех бед русского народа в XX веке — от Октябрьской революции и истребления крестьянства до алкоголизации русской нации, деградации нравственности, экологического кризиса²⁷. Во второй половине 1987 года «Память» раскалывается на несколько соперничающих между собой русских патриотических движений и фронтов национально-консервативного и национально-социалистического (в поддержку КПСС как основы русского государства) толка и постепенно уходит на периферию общественного внимания. Однако идеи, проповедовавшиеся «Памятью» (хотя и не в таком крайнем и карикатурном виде), и, шире, русский национализм как общественно-политическое течение не исчезает, а, напротив, с возникновением с 1988 года национальных конфликтов на территории СССР, становится важнейшей составляющей многих политических организаций, возникших на пике политического противостояния 1989—1991 годов.

Очевидно, что массовое движение перестроечного времени воспроизводило основные идеологические расколы, сформировавшиеся в 1987—1988 годах в интеллектуальной элите общества, среди писателей, публицистов, ученых, многие из которых в 1989—1990 годах стали политиками. Начавшаяся в 1988-м политическая реформа и борьба вокруг нее радикализовали общественное движение и способствовали политизации многих организаций, первоначально создававшихся как общественные. Во время выборов народных депутатов СССР, РСФСР и местных советов в 1989 и 1990 годах в Москве, Ленинграде и других крупных городах возникли многочисленные «клубы избирателей», многие из которых очень успешно провели избирательные кампании и добились избрания многих демокра-

тически настроенных кандидатов, включая Сахарова²⁸. Кроме того, стремительная политизация неформальных движений была связана с блокированием легальных каналов самовыражения, представительства специфических групповых и социальных интересов. Наиболее ярким примером этого был, как представляется, переход шахтерских профсоюзов и стачечных комитетов от экономических требований (предоставление самостоятельности предприятиям) к поли-

влетворяющей потребность человека быть частью социального целого, способствовал самоутверждению его участников, помогал им преодолеть страх перед риском санкций, чувство тотальной зависимости от системы, давал ощущение силы²⁹. «Митинг был средой, рождающей харизматических лидеров, удовлетворяя тем самым традиционную для советского человека потребность в оракуле, вожде и интерпретаторе, который способен трансформировать неясные инди-

“В условиях нараставшего общественного подъема митинг обладал интегрирующей силой, удовлетворяющей потребность человека быть частью социального целого”.

тическим (отмена 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей единовластие КПСС) во время забастовки горняков летом 1989 года, которая охватила все основные угледобывающие районы страны.

С 1988 года митинги и демонстрации, сначала малочисленные и без труда разгоняемые милицией, а затем все более и более многочисленные, постепенно становятся важнейшей формой политической мобилизации и самоорганизации общества. Пушкинская площадь в Москве вопреки запретам превратилась в место постоянных встреч неформалов, публичной площадкой, на которой сталкивались различные мнения, разворачивались дискуссии, зачастую превращавшиеся в митинги. Десятки, а потом и сотни людей приходили сюда, чтобы высказаться самим и послушать других, в особенности во время острых политических событий. Митинги и демонстрации сыграли важнейшую роль в политическом противостоянии в 1989—1991 годах и во многом определили его исход. В условиях быстро нараставшего общественного подъема, разнообразных, зачастую смутных надежд и неудовлетворенных ожиданий митинг обладал интегрирующей силой, удо-

видуальные ожидания в лозунги массового политического действия»³⁰.

Социальная демократия

В рамках журнальной статьи невозможно подробно проанализировать все проявления перестроечной общественной самоорганизации. Но и уже сказанное свидетельствует, на мой взгляд, о наличии массовой общественной мобилизации. Была ли она *демократической*? Часть самодеятельных организаций, прежде всего в крупных городах и столичных центрах, — дискуссионные клубы, политические ассоциации и группы — имели демократическую направленность в либеральном смысле этого термина. Их главным требованием была политическая демократия: свободные выборы и ликвидация однопартийной системы. Именно под этими лозунгами сотни тысяч людей выходили в 1990—1991 годах на гигантские демонстрации в Москве и Ленинграде. Конечно, большинство участников этих выступлений воспринимали демократию достаточно примитивно: она сводилась в их представлении к отстранению КПСС от власти и передаче ее в руки демократов. О том, что демократия —

это не переход власти в руки «правильных» людей, а прежде всего процедура, в результате которой к власти могут законно прийти и «неправильные» люди, догадывались тогда очень немногие, в том числе и среди политических лидеров движения — членов Межрегиональной депутатской группы, по призывам которой люди и выходили на улицу³¹.

Демократический характер — в социальном смысле этого понятия — имела, на мой взгляд, и другая составляющая массового движения периода перестройки. Активистов

и духовным благам. В этом, неоформленном и не осознанном большинством порыве к справедливости содержался в свернутом, зародышевом виде несомненный потенциал политической демократизации и — при соответствующей экономической политике — развития капитализма снизу³².

Массовое общественное движение 1989—1991 годов было крайне разнородным по составу, весьма неравномерно распределенным географически, пронизанным «вождистскими» иллюзиями и несло на себе неизгладимый отпечаток той системы, раз-

“В демократическом лагере преобладало весьма примитивное представление о последовательности необходимых шагов к установлению демократии”.

и участников многочисленных экологических организаций, городских комитетов общественного самоуправления, стачкомов и рабочих советов объединяли такие лозунги, как «самоуправление», «участие масс в принятии решений», «справедливое перераспределение», «гарантии социальных прав», «свобода выбора». Эти требования отражали настроения, зачастую малоартикулированные, значительной части городской гуманитарной интеллигенции, инженеров, квалифицированных рабочих. В социальном плане перестройку двигала идея *равенства*. Этот побудительный мотив общественной мобилизации нельзя сводить, как это многократно делалось, только к традиционной для России *уравнительности* (которой, конечно, также было много). Пробудившаяся часть общества отказывалась дальше соглашаться с тем, что дискредитировавшая себя власть, государство имеют право определять экономические и социальные условия жизни человека, наделять его по своему усмотрению статусом и обеспечивать — в соответствии с этим статусом — доступом к материальным

положение которой вызвало его к жизни. Идеи свободы и демократии, с одной стороны, лозунги самоуправления и свободы выбора — с другой, как и связанная с ними необходимость принять на себя ответственность за собственное положение и за положение в стране, были свойственны лишь меньшинству населения, наиболее активная часть которого концентрировалась в неформальных организациях. Большинство же по традиции ожидало перемен «сверху». Отсюда — «воодушевленная и наивная мобилизация общественной поддержки Горбачёва в “ранние” годы политической перестройки (1988—1989 гг.)». Это почти всеобщее единодушие «было продолжением глубоко укорененной в массовом сознании советской традиции “единодушного одобрения” руководящих персон и лозунгов»³³. Этим же в значительной мере объяснялась и массовая поддержка Ельцина в 1989—1991 годах.

Однако при всех его дефектах это массовое общественное движение существовало и нарастало вплоть до 1990—1991 годов. Что с ним произошло после 1991-го? Почему

оно, по справедливому замечанию Гудкова, не вылилось в «создание новых политических форм и институтов»? Почему огромное число организаций, ассоциаций и групп — за единичными исключениями — так быстро ушли в небытие, не наложив практически никакого отпечатка на ход и исход политической борьбы в 1990-е годы? Ответ на этот вопрос необходим для того, чтобы понять прошлое и оценить перспективы настоящего и будущего.

В ожидании Пиночета: причины спада общественной активности

Один из элементов объяснения связан, как представляется, с организационной слабостью, недостаточностью перестроечного общественного движения. События развивались стремительно, скорость, с которой все большее число людей вовлекалось в политическую мобилизацию, уже к 1989—1990 годам превысила возможности неформальных структур по их организации. Сами структуры также оказались подхвачены этой волной и, втягиваясь во вновь образовывавшуюся политическую сферу, отдавая ей своих наиболее активных участников, неизбежно ослабляли потенциал низового гражданского действия. Последствия этого и для политической демократизации страны, и для развития гражданского общества оказались отрицательными. Происшедшее можно назвать феноменом «преждевременной демократизации». В обществах с укорененной традицией авторитарной, деспотической власти переход к демократии, очевидно, не может быть одномоментным. Как показывает опыт латиноамериканских стран, в частности Бразилии и Мексики, постепенное накапливание сил организациями гражданского общества в условиях слабеющего авторитарного режима более плодотворно для последующего демократического развития, чем быстрая и радикальная политическая реформа, в условиях

которой новые демократические институты столь же быстро и неизбежно наполняются старым содержанием. Медленная, контролируемая политическая трансформация, закрытость политической сферы в этих странах вынужденно сохраняли общественную энергию в пространстве гражданского общества, где артикулировались разные интересы³⁴ и, соответственно, возникали устойчивые организации с разными целями. Быстрая политическая реформа в России, осуществлявшаяся в условиях глубокого политического кризиса и начавшегося распада государства, не оставила времени ни для накопления сил в гражданском обществе, ни для его структурирования. В этих условиях российские неформалы не смогли стать гражданским обществом. Следствием этого стало выхолащивание демократического потенциала как политических институтов, так и неполитической публичной сферы.

Вторым фактором, объясняющим ослабление и спад массовой общественной мобилизации, было, на мой взгляд, нарастающее расхождение либеральной и социальной тенденций демократического движения. Отношение либералов («демократов» по тогдашней терминологии) к самоуправленческим и тем более к перераспределительным тенденциям было с самого начала настороженно-презрительным: они рассматривались в лучшем случае как сила массовой поддержки, не обладавшая собственным демократическим потенциалом. В демократическом лагере, от лидеров до интеллектуалов и низовых активистов, преобладало весьма примитивное представление о последовательности необходимых шагов к установлению демократии в духе наиболее вульгарных интерпретаций теории модернизации образца 1950—1960-х годов. Предполагалось, что демократия является естественным продуктом рыночных отношений и возникающих на их основе массовых средних слоев.

Поэтому установление демократических институтов до осуществления рыночной реформы считалось не только преждевременным, но и вредным; та или иная (лучше, конечно, «мягкая») форма авторитаризма считалась почти неизбежной и даже желательной на пути к демократии³⁵. «Наша боязнь предстоящей зимы ровно ничего не меняет в природе — зима наступит», — писал в 1991-м Леонид Никитинский, считая столь же неизбежным установление авторитарной власти. В такой ситуации социальные требования низов рассматривались не только как антирыночные, какими часть этих требований действительно являлась, но и как антидемократические, поскольку связанный с ними потенциал самоорганизации и общественной самостоятельности не укладывался в вышеописанную схему.

Более того, отношение лидеров демократического лагеря, объединившихся вокруг фигуры Бориса Ельцина, к массовому демократическому движению — как к политической (либеральной), так и к социальной (перераспределительной) его составляющим — было исключительно инструментальным. Оно не представляло в их глазах самостоятельной ценности и все больше рассматривалось, особенно в 1990–1991 годах, как «таран» против слабеющей союзной власти в лице Горбачёва, как средство давления в борьбе за доступ к рычагам государственного управления. Саму политическую сферу лидеры демократов видели исключительно как сферу управления: вопрос о ее демократической трансформации и институционализации ими практически не ставился. Важно было завоевать рычаги реальной власти, существовавшие в советской системе, с тем чтобы осуществить радикальную экономическую реформу, в которой, по сути, видели субститут демократического проекта как такового. В результате немалый потенциал демократической самоорганизации,

накопленный в 1987–1991 годах, не был востребован теми, кто считался бесспорными лидерами демократического движения, и не был использован для создания новых демократических институтов³⁶.

Однако наиболее важной причиной ослабления массового движения и быстрого истощения его демократического потенциала стал нараставший страх общества перед самим собой. По точному и оказавшемуся пророческим наблюдению Фадина, сделанному в 1990-м, «это и страх человека перед неконтролируемыми и пугающими своими последствиями процессами в недрах социальной жизни, и страх общества перед своими же детьми, перед признаками развала общественного порядка, это ужас традиции, не узнающей себя в зеркале враждебной современности, это растерянность перед полной потерей ориентации в обстановке, когда все пришло в движение и нет никакой надежной опоры»³⁷. В этом же направлении действовали и последствия экономического кризиса 1990–1991 годов, который воспринимался обществом как прямое следствие потери управляемости, и множившиеся национальные конфликты и их нарастающая, необъяснимая для большинства людей ожесточенность. Страх, «порожденный широким диапазоном стихийных и непонятных социальных процессов, несомненно, является, — продолжал Фадин, — одной из основ поднимающейся волны массового консерватизма, сопротивления не только идущей “сверху” модернизации, но и растущей “снизу” плюрализации социальной жизни. Корни его глубоки, они уходят в самую глубь российского исторического опыта — с его жесткими обвалами идущих сверху крутых преобразований, не считающихся ни с какой человеческой ценой, если речь идет о достижении державного величия. Каждая реформа таит в себе угрозу ухудшения тяжелого, но привычного уклада жизни, прогресс ассоциируется, прежде

всего, с его непомерной ценой, с его бедами и лишениями... В этом горьком историческом опыте — сила низового народного консерватизма. Но в нем же и опасность для любой последовательной политики модернизации. При дурном обороте событий именно он станет основой идеологии реставрации»³⁸.

Так оно, в общем, и случилось. Страх усиливал национально-почвеннические, охранительные настроения в обществе. Тенденции, носителем которых в перестроечные годы выступала «Память», выглядевшая тогда

1990-х годов способствовали размыванию и ослаблению соответствующих организаций. На мой взгляд, то оживление общественной самоорганизации, которое начинается в России с 2005-го, происходит в принципиально иных объективных условиях, чем те, в которых она развивалась двадцать лет назад. Стабильное экономическое развитие, при всех его глубинных изъянах, и рост доходов значительной части населения, при всей неравномерности их распределения, несравненно более благоприятны для структурной

“Важной причиной ослабления массового движения и быстрого исчерпания его демократического потенциала стал нараставший страх общества перед самим собой”.

столь ничтожной и смешной, оказались не только наиболее устойчивыми, но стали с конца 1990-х годов основой народной поддержки политической контрреформы и, по терминологии Гудкова, «негативной идентичности» основной части российского общества. Напротив, тенденции к самоорганизации общества, к его самостоянию и отделению от государства, лежавшие в основе общественного подъема 1987–1991 годов, оказались недолговечными, а многие воплощавшие их организации исчезли. Те, что сохранялись в 1990-е годы, опирались в основном на финансовую поддержку иностранных фондов.

Чего ждать от новой волны?

Отрицательный исторический опыт может быть интерпретирован и как доказательство неодолимой зависимости российского общества от предшествующих пути и модели развития, и как возможность для извлечения уроков, с тем чтобы в новых условиях не повторять (в рамках возможного) тех оценок общественной самоорганизации и подходов к ней, которые в конце 1980-х — начале

дифференциации общества и его самоорганизации, чем ситуация глубочайшего экономического кризиса и распада государства. Те, кто сегодня пытается организовать, чтобы коллективно отстаивать свои права и интересы, сталкиваются не с объективной стихией всеобщего распада, а с произволом конкретных государственных чиновников и связанных с ними частных структур.

Наиболее показательны в этом отношении движения в защиту жилищных прав и экологической среды обитания. По сути дела, они противостоят (или пытаются противостоят) частным интересам приватизированного государства. Перераспределив с помощью властного ресурса наиболее прибыльные экономические активы — добычу и транспортировку нефти и газа, производство и экспорт вооружений, объекты инфраструктуры, это «государство», а точнее, приватизировавшие его группы обратили свое внимание на городские и пригородные земли в столичных центрах и крупных городах. И хотя формально конфликты по поводу уплотнительной застройки, вырубки лесов и парков, принудительного выселения в связи

с внезапно выявившейся «аварийностью» домов, расположенных в районах интенсивной «элитной» застройки, происходят между жителями и строительными и девелоперскими частными фирмами, за последними всегда стоят интересы конкретных государственных чиновников. Нарастающее использование репрессивных структур в таких конфликтах ставит людей, защищающих свои жилищные права, лицом к лицу с произволом зарвавшейся «государственной» власти и персонифицирующих ее лиц. Участники этих движений или ассоциаций обыкновен-

Действительно, люди начинают объединяться и предпринимать какие-то действия тогда, и часто только тогда, когда затронуты их непосредственные интересы, для самозащиты³⁹. Но исторически именно таким образом происходило становление механизмов горизонтальной интеграции общества, отделения его от государства в развитых странах, так это происходит и сейчас во многих развивающихся странах. Утверждение более общих форм солидарности, чем те, которые ограничиваются только «своими», всегда начиналось с защиты *своих* интересов, *своих* прав, *своего*

“Без создания политической системы, которая была бы проницаема для **интересов и требований социальных низов**, демократия всегда будет обратима”.

но начинают с коллективных обращений и жалоб, чего-то просят у государства, по большей части — чтобы оно соблюдало установленные им самим правила и законы. Когда представители государства под тем или иным предлогом, а чаще без одного уклоняются от этого, люди вынуждены защищать себя самостоятельно. В такой ситуации они очень быстро излечиваются от патернализма, от упований на власть и начальство. В упомянутом выше докладе Евгения Гонтмахера четко прослеживается главная мотивация активистов таких движений: они говорят, что им не на кого надеяться, кроме как на самих себя. На примере жилищных движений хорошо видно, как сама ситуация меняет психологию людей и структуру взаимоотношений общества и власти, поневоле способствуя отделению общества от государства.

Движения в защиту жилищных прав и экологической среды обитания могут рассматриваться как типичный пример самоорганизации «обиженных», социально ущемленных, «стигматизированных», по определению Бориса Дубина, групп населения.

достоинства. По-иному это не происходило и не происходит нигде: люди не могут проникнуться ценностью горизонтальных связей и солидарностей между группами с разными требованиями только потому, что они почему-либо осознали ценность таких связей⁴⁰.

Самозащита является первым и необходимым шагом для того, чтобы в обществе могли возникать более общие формы солидарности. Защищая свои непосредственные жизненные интересы от угроз, так или иначе связанных с властным произволом, участники ассоциаций социально ущемленных отстаивают вместе с тем свои *права*. Движения в защиту жилищных прав защищают свое (и не только свое) право собственности, которое государство в ходе приватизации жилья обязалось гарантировать⁴¹. Право собственности защищают и обманутые дольщики: выдав лицензии строительным фирмам, государство обязалось обеспечивать определенные правила их функционирования и, в частности, то, что их владельцы не скроются с деньгами клиентов. Также и солдатские матери отстаивают право — на жизнь детей

в мирное время. Участники этих движений в большинстве случаев апеллируют к закону, требуя от государства его соблюдения. Мне это представляется очень важным шагом в становлении правовой культуры российского общества. Характерно, что именно организации и объединения «обиженных» (стигматизированных) групп населения являются фактически единственными, кто отстаивает сегодня в России закон. Защищая себя, они при этом апеллируют к таким ценностям, как «права граждан», «равенство всех перед законом», «достоинство», и все больше формулируют свои цели в этих терминах⁴². Таким образом, с самозащиты начинается, на мой взгляд, становление институтов общественного участия и механизмов подотчетности государства обществу. Напротив, слабость коллективного действия в защиту собственных интересов и вызывает потребность в «символическом единении с фигурами сверхвласти», чтобы таким путем компенсировать постоянно ущемленное личное достоинство.

Отношение либерального общественно-го мнения к организациям и требованиям социально ущемленных слоев населения в известной мере повторяет ситуацию двадцатилетней давности в отношении социальных, самоуправленческих организаций и требований. И тогда и сейчас гражданский и демократический потенциал низового социального движения вызывает сильные сомнения. Между тем, как показывает опыт многих стран, и в особенности латиноамериканский, политическая демократия не может быть устойчивой без изживания социальных корней авторитаризма — без трансформации базовых отношений социального господства невозможно нормальное функционирование демократических институтов. Социальные движения выступают при этом как важнейший инструмент формирования демократического и социального гражданства. В Бразилии, Мексике, Аргентине демокра-

тические институты политической системы начиная с 1980-х годов обрели устойчивость после полувека попятных движений от демократии к авторитаризму в значительной мере потому, что рядом с ними, помимо них развивались разнообразные социальные движения, отстаивавшие права и интересы тех, кто не мог их защитить через существующие представительные институты. Тем самым эти движения создавали автономное публичное пространство, где формулировались требования, которые впоследствии политическим институтам (партиям, парламентам, президентам) пришлось принимать в расчет. Основной и выстраданный урок латиноамериканской демократии, на мой взгляд, заключается в том, что без создания политической системы, которая была бы *проницаема* для интересов и требований социальных низов, демократия всегда будет обратима.

Думается, что это имеет самое непосредственное отношение и к нам. Российским либералам 1990-х годов демократия виделась в шумпетерианском образе: как свободная политическая игра и смена «элит» у власти; вопрос об изменении отношений господства и устранинии их социальных корней не возникал практически ни у кого. При этом для основной массы населения, которая стала главной жертвой экономического кризиса, не возникло сколько-нибудь эффективных политических каналов и институтов отстаивания своих прав. Именно поэтому, как представляется, большинство населения с полным безразличием отнеслось к свертыванию демократических институтов — они не были для большинства каналами эффективного представительства интересов. Сейчас, когда мы с пренебрежением говорим о движениях социально ущемленных как о чем-то, лежащем вне магистрального пути развития гражданского общества и демократического государства, хорошо бы отдавать себе отчет, что речь опять идет о значительной части

населения страны. Новые социальные движения и ассоциации появляются в наиболее массовых слоях населения, среди людей, «чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие и т. д.). Эти люди, ежедневно сталкивающиеся с социальными рисками, составляют большинство населения, по меньшей мере, в больших и средних городах»⁴³. Социально уязвимые группы — это не бедные, это те примерно 65 проц. населения, которые находятся между бедными в собственном смысле слова (15 проц.⁴⁴) и теми примерно 20 проц.⁴⁵, кого по доходам и статусу условно можно отнести к средним слоям. Без их заинтересованного участия никакие демократические институты в России не будут устойчивыми.

Я отдаю себе отчет в том, что последнее соображение относится в большей мере к области должного и желаемого, чем к области сущего. Тем более важным мне кажется обратить внимание на то, что впервые в постсоветской истории защитой своих прав начинают заниматься те самые люди, которых это непосредственно касается. При всем уважении к старым правозащитным организациям, они в своем подавляющем большинстве — организации клиентские, они работают с теми, кто обращается к ним со своими проблемами. Новые ассоциации и движения вырастают «снизу», в обоих смыслах этого слова — и как *grass roots*, и как процесс самоорганизации низов («середины») общества.

Это, по-моему, несомненный шаг вперед в формировании гражданского общества и необходимая предпосылка становления политической демократии.

Для того чтобы возникающие общественные инициативы по защите своих прав и достоинства имели продолжение, необходима, кроме прочего, заинтересованная поддержка со стороны профессионалов, экспертов, ученых. В Латинской Америке в становлении социальных движений активно участвовали независимые интеллектуалы и университетские специалисты, активисты левых партий, которые обеспечивали экспертную, правовую и идеологическую базу для этих движений, а часто и их организационные формы⁴⁶. Иначе говоря, многие образованные люди выступали там как «дрожжи» для ферментации низового гражданского общества. В России отношение академического сообщества и, шире, образованной публики к таким движениям крайне скептическое, а часто и просто снобистское. Конечно, «стакан всегда наполовину пуст», и если людям постоянно и убедительно доказывать, что они ничего не могут, — они ничего и не смогут. Речь идет не о том, чтобы преувеличивать значение возникших форм общественной самоорганизации в России, чтобы преждевременно называть их социальными движениями — их достоинства и изъяны, несомненно, необходимо оценивать трезво. Речь идет о том, что в советском марксизме называлось «субъективным фактором», без которого невозможно становление социальной субъектности в России.

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Лев Гудков указывает на слабость структурно-функциональной и институциональной дифференциации российского общества как на важнейшее препятствие его модернизации. См.: Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью. // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 9–10.

² Эта взаимосвязь социальных движений, расширения публичного пространства и демократизации обсуждается в многочисленных работах по социальным движениям в Латинской Америке. См., например, *Culture of Politics: Politics of Cultures* / Ed. by S. E. Alvarez, E. Dagnino, A. Escobar. Boulder: Westview Press, 1998.

³ По замечанию Карин Клеман, «тот факт, что эти движения только зарождаются, усиливает риск неоправданного употребления понятия “социального движения”, которое может и не состояться в строгом смысле этого слова, но вместе с тем позволяет избежать ловушки объяснения *post factum*, в которой оказывается большинство исследований». См.: Клеман К. Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? (<http://ikd.ru/node/78>).

⁴ См., например, обсуждение доклада Евгения Гонтмахера «Общественные объединения нового типа: создание банка данных, анализ и перспективы дальнейшего развития» на семинаре «Либеральной миссии» (<http://www.liberal.ru/sitan.asp?Rel=219>).

⁵ Дубин Б. Формы общественной солидарности в России: ритуалы, сети, институты. Тезисы к конференции «Бремя преемника 2» в Московском центре Карнеги, 19 февраля 2008 года (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/77901.htm>).

⁶ К. Клеман отмечает, что «речь идет о том, чтобы выявить неожиданное и непредсказуемое, связанное прежде всего многомерностью практик, мышлений и человеческих действий. Социологи, пользующиеся исключительно количественными методами, имеют все шансы не заметить этот объект, а чистые теоретики, концептуализирующие типы политических режимов и общественных движений, вовсе не способны услышать пока еще слабый голос социального протеста». См.: Клеман К. Указ. соч.

⁷ Кроме упоминавшегося доклада Гонтмахера и работ Клеман, качественные исследования новых общественных движений и инициатив в России вводит Сергей Патрушев и Нина Беляева.

⁸ Гудков Л.Д. Указ. соч. С. 32.

⁹ Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004. С. 464.

¹⁰ Статьи 70 (наказывавшая за антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение, изготовление или хранение литературы соответствующего содержания лишением свободы до семи лет и/или ссылкой до пяти лет) и 190-1 (наказывавшая за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй преимущественно в устной форме, лишением свободы до трех лет) перестали применяться с 1987 года, а в 1989-м были отменены Указом ВС СССР. В конце 1986-го – первой половине 1987 года осужденные по этим статьям политзаключенные были амнистированы и освобождены из тюрем и лагерей.

¹¹ <http://www.memo.ru/about/news.htm>

¹² См.: Неформальная Россия. М.: Молодая гвардия, 1990.

¹³ Яницкий О.Н. Экологическое движение в России: Критический анализ. М., 1996. С. 97.

¹⁴ Фадин А. Неформалы и власть. (Размышления о судьбах гражданского общества в СССР) // *Общественные самодельные движения: проблемы и перспективы* / Под ред. Е.А. Сулова. М.: НИИ культуры, 1990. С. 320.

¹⁵ Ни один из 29 депутатов райсовета, выбранных еще по советским правилам и представлявших микрорайон, не проживал в Братеево. См.: Неформальная Россия. С. 236.

¹⁶ Яницкий О.Н. Указ. соч. С. 57.

¹⁷ Неформальная Россия. С. 332.

¹⁸ Яницкий О.Н. Указ. соч. С. 132.

¹⁹ Там же. С. 103.

²⁰ Одной из таких групп была историко-просветительская секция клуба «Демократическая перестройка».

²¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1. М.: Московский центр Карнеги, Фонд Индем, 2005. С. 125.

²² «В 1992 г. к определению “историко-просветительское” были добавлены слова “и правозащитное”, а эпитет “всесоюзное” был заменен на “международное”, ибо Советского Союза более не существовало» (об истории «Мемориала» см.: <http://www.memo.ru/about/news.htm>).

²³ Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного

мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 43.

²⁴ *Неформальная Россия*. С. 294.

²⁵ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 119–120.

²⁶ *Неформальная Россия*. С. 313.

²⁷ 6 мая 1987 года «Память» провела первую в истории перестройки массовую несанкционированную демонстрацию, собравшую несколько сот человек в центре Москвы, с требованием прекратить строительные работы на Поклонной горе. Борис Ельцин, бывший тогда первым секретарем Московского горкома, принял решение не разгонять собравшихся, а встретиться с ними, предложив им, если они собирались действовать в рамках конституции, зарегистрироваться как общественная организация. См.: *Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему*. М.: ПИК, 1990. С. 92.

²⁸ Виктор Шейнис в 2002 году отмечал, что в перестроечные годы «примитивное, а местами и откровенно антидемократическое законодательство» сочеталось «с относительно свободными, состязательными выборами, на которых демократические кандидаты, опиравшиеся на общественный подъем и на инициативные группы активистов, не имевшие доступа ни к финансовым ресурсам, ни к средствам массовой информации (курсив мой — Т.В.), теснили выдвинутых партийно-государственной бюрократии, во всяком случае, в культурных центрах страны». См.: *Шейнис В.Л. Избирательное законодательство и избирательная практика // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общей редакцией академика Т.И. Заславской*. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. С. 57.

²⁹ *Яницкий О.Н.* Указ. соч. С. 102.

³⁰ Там же.

³¹ Надо сказать, что столь рафинированное понимание демократии не может воодушевить ни одно массовое демократическое движение: и в Восточной Европе, и в Латинской Америке демократические движения были в первую очередь движениями «против» — против навязанной СССР власти коммунистов, против военных диктатур.

³² Политическая звезда Ельцина взошла в 1987–1989 годах именно на этих настроениях, которые он смог уловить благодаря исключительному политическому чутью.

³³ *Левада Ю.А.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. Ретроспективные размыш-

ления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4 (66). С. 8.

³⁴ Об эволюции мексиканской политической системы см.: *Томберг А.* Мексика: эволюция в условиях диктатуры // *Pro et Contra*. 2008. Том 12. № 1. С. 46–61.

³⁵ Эти идеи впервые были сформулированы в 1989 году в нашумевшей статье Андрианика Миграняна «Долгий путь к европейскому дому» (*Новый мир*. 1989. № 7). С конца 1990 года, после поездки группы исследователей, в которую входили Виталий Найшуль и Симон Кордонский, в Чили и их встречи к тому времени уже бывшим президентом Аугусто Пиночетом, чрезвычайной популярностью в России стала пользоваться фигура последнего и его опыт перехода к демократии.

³⁶ Необходимо сказать, что столь же инструментально относился к массовому движению Михаил Горбачёв, который считал, что оно должно быть движением в поддержку перестройки, и не воспринимал его в качестве самостоятельного политического актора. Подробнее см.: *Ворожейкина Т.Е.* Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки // Пути России: двадцать лет перемен / Под общей редакцией Т.Е. Ворожейкиной. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2005.

³⁷ *Фадин А.* Указ. соч. С. 320.

³⁸ Там же. С. 321–322.

³⁹ К. Клеман отмечает, что «мотивом первых шагов на пути к социальному протесту является ощущение угрозы социальному благополучию индивида или семьи. Сколь бы малоромантичным это ни показалось, люди редко или вообще не активизируются «во имя всего человечества», а активизируются вокруг проблем, связанных с их личной ситуацией. В таком удаленном от политики обществе, как российское, чтобы быть привлекательным, коллективное действие должно иметь смысл для людей, погруженных в бытовые проблемы. См.: *К. Клеман.* Указ. соч.

⁴⁰ Так, например, странно было бы ожидать от французских или немецких профсоюзов конца XIX — начала XX века, чтобы они прониклись интересами и проблемами работодателей. Становление горизонтальных солидарностей и во Франции, и в Германии проходило через борьбу и согласование разных, часто противоположных интересов.

И эта борьба отнюдь не всегда происходила в мирных формах. Слишком часто упускается из виду, что гражданское общество в Европе выросло в том числе и из революций.

⁴¹ Жилищная и связанная с ней экологическая проблематика охраны городской среды затрагивает все большее количество людей. В отсутствие политических и правовых пределов растущим аппетитам приватизированного государства она вполне может затронуть всех: даже на сильных и благополучных в государстве всегда найдется кто-то более сильный, о чем свидетельствовала, в частности, бурная деятельность заместителя руководителя Росприроднадзора Олега Митволя. Поэтому то, что сейчас видится как «предельные» жизненные интересы «обиженных», стигматизированных слоев, легко может стать столь же предельным интересом каждого.

⁴² Это подтверждается материалами исследований Института коллективных действий К. Клеман и группы Гонтмахера.

⁴³ Клеман К. Указ. соч.

⁴⁴ http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d02/06-01.htm

⁴⁵ Существуют различные оценки доли населения России, относящегося к среднему классу. Согласно исследованию Института социологии РАН, на конец 2006 года в составе взрослого городского населения средний класс составлял 20–22 процента (см.: *Городской средний класс в современной России: Аналитический доклад*. М.: Институт социологии РАН, 2006 (http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html)). Эксперты Левада-центра относят к среднему классу 17 проц. населения (см.: *Хахулина Л.* Смешно называть «средним» класс, составляющий 5–7 % населения // *Ведомости*. 2008. 25 апр.). Директор Независимого института социальной политики (НИСП) Татьяна Малева относит к «обобщенному» среднему классу 19 проц. семей. См., например: *Малева Т.* Россия в поисках среднего класса // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 4 (53).

⁴⁶ Отсутствие левых партий, организаций, интеллектуалов в России представляется одной из фундаментальных слабостей ее низовой самоорганизации и, соответственно, гражданского общества.